

Рефорум

Олег Петрович-Белкин

КАК ВОССТАНОВИТЬ АВТОРИТЕТ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

РЕФОРУМ

2023

Настоящая policy paper – первая из двух, посвящённых международным отношениям и внешней политике России. В ней мы решили сосредоточиться на основном региональном приоритете России – взаимоотношениях с государствами постсоветского пространства. Цель данной работы – показать, чем вызвано снижение влияния и падение авторитета страны в регионе «ближнего зарубежья». Эта тема тем более актуальна, что именно неудачи, ошибки и неэффективность внешней политики России на постсоветском пространстве стали одной из основных причин войны с Украиной. Международный курс России на постсоветском пространстве – это вся внешняя политика нашей страны в миниатюре, её квинтэссенция, наглядное отражение присущих ей пороков, слабостей и недостатков.

Вторая часть исследования будет посвящена уже не региональному, а глобальному измерению внешней политики России.

Введение. Исторические параллели: война с Украиной как колониальный конфликт современности

Полномасштабная агрессия России против Украины, начавшаяся в феврале 2022 г., поначалу ошибочно трактовалась многими экспертами-международниками как свидетельство не только имперских амбиций, но и возросшей мощи (пускай и деструктивной) российского государства. Сейчас очевидно, что начало боевых действий явилось следствием не силы, а, напротив, слабости России на международной арене, её неспособности добиться своих внешнеполитических целей ненасильственным путем. И в первую очередь это касается ситуации на постсоветском пространстве, где Россия за неимением иных внешнеполитических инструментов (политических, экономических, культурно-гуманитарных) выбрала порочный путь применения «жесткой», а не «мягкой» силы¹.

Причиной фатального развития событий стали реваншизм и геополитические амбиции России, подпитывавшиеся её стремлением не допустить ослабления собственного влияния на постсоветском пространстве. Война с Украиной стала судорогами умирающей империи, попыткой обратить вспять глобальные политические тренды, связанные с обретением независимости и суверенитета бывшими частями

1 Концепция мягкой силы (soft power) была сформулирована американским политологом и теоретиком международных отношений Джозефом Наем (Joseph Nye), рассматривавшим её как способность того или иного субъекта мировой политики достигать внешнеполитических целей за счёт несиловых инструментов: культурно-гуманитарного сотрудничества (образование, наука, культура и т.д.), экономического взаимодействия, спортивной или религиозной дипломатии и иных механизмов, улучшающих имидж страны на международной арене. Мягкая сила противопоставлялась силе жесткой (hard power), традиционным методам насильственного достижения внешнеполитических целей.

колониальной империи (а Советский Союз, несмотря на риторику, мало чем отличался от Британской, Французской, Португальской и иных колониальных империй). В данном контексте войну России с Украиной вполне уместно поместить в один ряд с иными колониальными войнами, в ходе которых бывшая метрополия, терзаемая чувством ресентимента, стремилась при помощи насилия сохранить прежний контроль над обретаемыми политической и экономической самостоятельностью колониями – например, с французской колониальной войной в Алжире (1954-1962 гг.) или португальской войной против Анголы и Мозамбика (1961-1974 гг.).

Как и почему происходило ослабление позиций и падение авторитета России на постсоветском пространстве, какими факторами оно было вызвано и существовала ли альтернатива нынешней войне, уже унесшей десятки тысяч жизней?

Как Россия перестала быть доминирующей силой на постсоветском пространстве

Постсоветский регион – разнородное, или, говоря научным языком, гетерогенное пространство, характеризующееся многообразием политических и экономических систем, тяготеющим к различным центрам силы на международной арене. Так, государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония) взяли курс на европейскую (и шире, трансатлантическую) интеграцию сразу после выхода из состава СССР в 1991 г., результатом чего стало их вступление в ЕС и НАТО в 2004 г. Другие европейские постсоветские страны – Украина, Беларусь и Молдова – определялись со своим геополитическим выбором дольше. Беларусь в итоге предпочла пророссийскую ориентацию, результатом чего стало создание Союзного государства России и Беларуси (договор о его учреждении был подписан в декабре 1999 г.). Украина и Молдова долго колебались между различными центрами силы и только после полномасштабной агрессии России окончательно выбрали курс на Запад.

Судьбы государств Южного Кавказа (Грузии, Армении, Азербайджана) также сложились по-разному. Грузия после Революции роз 2003 г. и особенно Пятидневной войны с Россией в августе 2008 г. бесповоротно выбрала путь евроинтеграции. Основным внешнеполитическим приоритетом Азербайджана в силу целого комплекса геополитических, экономических и культурных факторов стало выстраивание тесных союзнических отношений с Турцией. Армения, стремившаяся заручиться внешней поддержкой для урегулирования нагорнокарабахского конфликта в свою пользу, долгое время ориентировалась на взаимодействие с Россией, которое осуществлялось как на двустороннем, так и на многостороннем уровне – в форматах СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и иных интеграционных объединений. Впрочем, после начала полномасштабной войны и обострения нагорнокарабахского конфликта в сентябре 2022 г. позиция Армении начала меняться. Всё отчетливее проступают контуры её постепенного обособления,

дистанцирования от России.

Страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан), за исключением крайне закрытого и формально нейтрального Туркменистана, стали ареной интенсивного политического и экономического соперничества между Россией, США и Китаем. В последнее десятилетие чаша весов в регионе начинает склоняться в пользу Китая, направляющего значительные инвестиции в экономику центральноазиатских государств (прежде всего Казахстана – в 2006-2021 гг. общий объём прямых инвестиций КНР в экономику Казахстана составил более \$28,5 млрд.).

Таким образом, из всех государств постсоветского пространства позиции России сильны только в Беларуси и в меньшей степени в Армении, причём в последней они значительно ослабли в последний год. Остальные постсоветские государства либо выбрали курс на Запад (страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия), либо одновременно тяготеют сразу к нескольким центрам силы (центральноазиатские страны и Азербайджан).

Чем вызван тренд на ослабление позиций России на постсоветском пространстве? Причин много, и представляется целесообразным разбить их на три большие категории: экономику, политику и культурно-гуманитарную сферу (мягкую силу).

Торгово-экономические факторы

По данным Всемирного банка, по итогам 2021 г. (официальных показателей за 2022 г. пока нет) доля России в мировом ВВП едва превысила 1,84. При пересчёте на ВВП по паритету покупательной способности (ППС) доля РФ в мировой экономике возрастает до 3,28%, однако и эта цифра является критически малой (у США 15,7%, у Китая 14,5%, у ЕС – 14,9%). Экономическим системам постсоветских государств, как и отдельным секторам их экономик, отраслям и предприятиям, выгоднее ориентироваться на более крупные и успешные рынки, т.е. на торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество не с Россией, а с иными международными акторами². Особенно значимым этот фактор становится в условиях экономических санкций против России, которые способствуют внутренней нестабильности и усугублению экономического кризиса, а главное, пугают торговых партнёров из постсоветских государств, ставя их в позицию выбора «Запад или Россия» с предсказуемым результатом.

Ситуация вынуждает постсоветские страны диверсифицировать собственные потоки товаров, услуг и капиталов и перенаправлять их в иных, более безопасных направлениях³.

2 Акторами в теории международных отношений называют всю совокупность субъектов мировой политики – как государственных, так и негосударственных (международные организации, интеграционные объединения, НПО, НКО, структуры гражданского общества, транснациональные корпорации, национально-освободительные движения, религиозные организации, международные террористические группировки и т.д.).

3 Интересный момент – каким образом эта ситуация может быть объяснена и проиллюстрирована с точки зрения теории игр. В условиях российской агрессии против Украины и последующего введения экономических и политических

Таким образом, результатом снижения роли России в мировой экономике, а также структурных, хронически нерешаемых проблем в её народном хозяйстве становится долгосрочное сокращение товарооборота РФ с постсоветскими странами. Особенно значимым оно было в 2014-2016 (результат аннексии Крыма и введения первого пакета экономических санкций) и 2020 гг. (следствие пандемии COVID-19 и вызванных ею ограничительных мер). Третья волна снижения будет, судя по всему, зафиксирована по итогам 2022 г.: даже до публикации официальных статистических данных можно прогнозировать значительный спад товарооборота РФ с постсоветскими странами – как минимум вследствие серьёзного экономического кризиса и резкого увеличения военных расходов, а также целого ряда иных, менее значимых факторов.

Есть и ещё один важный побочный эффект общего экономического неблагополучия России. Речь о сокращении материальных и финансовых ресурсов, которые РФ способна выделить на продвижение своих интересов на постсоветском пространстве. Из-под внешнеполитических амбиций и целей России «выбивается» их материальная база. А в условиях продолжающейся эскалации боевых действий, заморозки золотовалютных резервов (ЗВР) России за рубежом и неминуемого ужесточения западных санкций (включая введение «потолка цен» на российские энергоносители) на реализацию внешнеполитического курса РФ на постсоветском пространстве вскоре может не остаться ресурсов. Самое печальное, что сокращение финансирования, скорее всего, коснётся не тех сфер, которые действительно этого требуют. Секвестр бюджета приведёт не к сворачиванию агрессивной политики России, а к прямо противоположному результату: заморозке сугубо мирных программ культурно-гуманитарного сотрудничества с сопредельными странами и дальнейшему усилению милитаристского крена во внешней политике государства.

Политические факторы

Экономическая конкуренция на постсоветском пространстве с неизбежностью порождает конкуренцию политическую. Торгово-экономические и инвестиционные интересы крупных держав сталкиваются всё более интенсивно, обостряется и политическое противоборство. Так, Китай объективно заинтересован в ограничении влияния России в Центральной Азии, Турция – на Южном Кавказе, ЕС – на территории постсоветских стран Восточной Европы (и *vice versa*: Россия стремится вытеснить конкурентов с территории бывшего СССР).

санкций в отношениях России и Запада всё отчетливее проступают контуры так называемой игры с нулевой суммой (zero-sum game), то есть ситуации, при которой выигрыш одной стороны неминуемо ведёт к проигрышу другой, а взаимное извлечение выгоды на основе сотрудничества становится невозможным. Третьи стороны – в данном случае постсоветские государства – сталкиваются с дилеммой, кого предпочесть в качестве торгового партнёра, поскольку сохранять торгово-экономические отношения одновременно с обеими сторонами де-факто не представляется возможным. Подобная дилемма серьёзно снижает экономический потенциал России на постсоветском пространстве. Таким образом, неправильно выбранная внешнеполитическая стратегия РФ по классике теории игр неизбежно ведёт к тотальному поражению, которое мы сейчас и наблюдаем.

Соперничество – вполне естественный и закономерный процесс. Как правило, оно идёт на пользу всем конкурирующим сторонам, повышая эффективность их внешнеполитического курса. Однако ситуация кардинально меняется и становится поистине взрывоопасной, если одна из сторон, осознавая перспективу поражения в политическом и экономическом противоборстве, принимает в высшей степени деструктивное решение о применении силы для изменения текущего статус-кво. Именно это произошло на постсоветском пространстве: желание российского руководства и лично Владимира Путина «опрокинуть шахматную доску», одним ударом разрубить гордые узел тяжелейших политических и социально-экономических противоречий стало одной из главных причин войны.

Этот шаг привёл не только к неисчислимым бедам, но и к дальнейшему ослаблению позиций России на постсоветском пространстве. Постепенное дистанцирование от России прежних союзников Казахстана, Армении и Кыргызстана; резкое ухудшение отношений с Грузией, Молдовой и государствами Балтии; пробуксовка интеграционных процессов и сокращение пространства для экономической и политической кооперации – всё это наглядные проявления указанного внешнеполитического тренда. Абсурдная война с Украиной, призванная, по мысли российского истеблишмента, укрепить позиции России на постсоветском пространстве, привела к кардинальному сокращению её политического и экономического веса.

Ещё один значимый политический фактор – активное противодействие российского руководства многовекторной внешней политике стран СНГ (под многовекторностью понимается максимальная диверсификация внешнеполитического курса постсоветских стран, т.е. их стремление к политическому, экономическому и культурно-гуманитарному взаимодействию с как можно большим количеством партнёров на международной арене). Доктрина многовекторности была принята практически всеми постсоветскими государствами (за исключением, пожалуй, пророссийски ориентированных Армении и Беларуси) и объективно отвечала их внешнеполитическим интересам. Сущность многовекторного подхода достаточно ёмко описана в двух цитатах бывших президентов Кыргызстана и Казахстана:

- «Одной из основных задач внешнеполитической деятельности [является](#) сохранение баланса интересов между основными игроками мировой политики. Таким образом, для нас многовекторность – это независимая и свободная в своём выборе внешняя политика, которая основывается прежде всего на национальных интересах Кыргызстана и благополучии нации» (бывший президент Кыргызстана А.Ш. Атамбаев);
- «Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала [не вправе замыкаться](#) на узкорегиональных проблемах. Это было бы непонятно не только нашему многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана – и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана» (бывший Президент Казахстана Н.А. Назарбаев).

Подобная независимая политика постсоветских государств сталкивалась с непониманием и неприятием российского руководства, для которого свободная политическая и экономическая конкуренция с иными международными акторами на постсоветском пространстве была тождественна поражению (как минимум в силу экономических факторов, упомянутых выше). Возник конфликт между объективными внешнеполитическими потребностями и интересами постсоветских государств, стремившихся самостоятельно определять свои международные приоритеты, и позицией России, явным или скрытым образом пытавшейся ограничить суверенитет стран-партнёров и превратить их в вассалов и сателлитов.

И войну с Украиной стоит рассматривать как логичный итог долгосрочного деструктивного курса России, апофеоз её неокOLONиальной борьбы с многовекторностью на постсоветском пространстве. В течение первых десятилетий после распада СССР эта борьба велась в основном дипломатическими и экономическими средствами (что, впрочем, не исключало применения откровенного шантажа, давления или провоцирования нестабильности на международной арене), сегодня в приоритете сугубо силовые методы.

Архаичная политика Кремля, нацеленная на подавление многовекторности на постсоветском пространстве, оказалась крайне неэффективна и со следующей точки зрения: она очевидным образом выбивала почву из-под ног немногочисленных пророссийских групп влияния в постсоветских странах, которые теоретически могли бы лоббировать российские интересы и вносить существенный вклад в интенсификацию взаимодействия между сторонами. Однако в условиях абсолютного неприятия Россией многовекторного подхода её политика вполне справедливо рассматривалась как населением, так и политическими элитами этих стран как узурпационная, преследующая цель монополизации политической и экономической власти. Действовать в подобных условиях пророссийским группам влияния было крайне сложно, если не сказать – практически невозможно.

Мягкая сила и имидж России

В современном мире мягкая сила, авторитет и культурная привлекательность государства на международной арене являются залогом успешной внешней политики. Чем выше репутация страны, чем ярче и притягательнее её бренд, тем большее количество талантливых людей и инвестиций она привлекает. Вполне понятно, что Россия предпринимает определённые шаги в этом направлении.

Нормативно-правовой основой политики мягкой силы России является [Концепция гуманитарной политики РФ за рубежом](#), опубликованная в сентябре 2022 г. Согласно этому документу, ключевыми приоритетами России в данной сфере являются научно-образовательное сотрудничество, продвижение русского языка, развитие туризма, а также культурная, молодёжная, религиозная и спортивная дипломатия. Основной же целью международного культурно-гуманитарного сотрудничества РФ заявлено «формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории».

и культуре, расширение контактов между людьми», причём достижение данной цели подразумевается как на двустороннем, так и на многостороннем (т.е. в формате международных организаций и интеграционных объединений) уровне.

Проблема в том, что заявленные меры, как правило, реализуются лишь на бумаге. На практике эффективность политики мягкой силы России на постсоветском пространстве (а тем более – в глобальном масштабе) фактически стремится к нулю. Объясняется это целым комплексом факторов.

В высшей степени негативное влияние на имидж России оказывает её беспрецедентно агрессивная внешняя политика. И речь не только о полномасштабной агрессии России против Украины. В том же ряду аннексия Крыма и развязывание конфликта на востоке Украины (2014 г.), Пятидневная война с Грузией 2008 г., использование энергетических поставок в качестве рычага давления на сопредельные страны (пресловутые «газовые» и «нефтяные» войны), беззастенчивое, противоречащее нормам международного права вмешательство во внутренние дела государств-партнёров, а также неприятие каких бы то ни было демократических изменений на постсоветском пространстве (например, Революции роз в Грузии в 2003 г., Оранжевой революции 2003-2004 гг., Революции достоинства 2013-2014 гг. в Украине и т.д.). Отнюдь не способствует эффективной политике мягкой силы и дипломатическая изоляция России, в которой страна оказалась после начала войны с Украиной.

Дополнительный негативный фактор – агрессивная риторика Кремля и отдельных его представителей, так называемая «гоп-дипломатия». Только за последний год можно вспомнить многочисленные высказывания Владимира Путина с угрозами в адрес Украины, НАТО и западных стран, неоднократное бряцанье ядерным оружием (включая приостановку участия России в Договоре об ограничении стратегических наступательных вооружений с США в феврале и заявление Путина о размещении тактического ядерного оружия на территории Беларуси в марте) и обвинение Запада во всех мыслимых и немыслимых грехах, от колониализма и работорговли до геноцида индейцев. И это не говоря о беспрецедентно агрессивных высказываниях представителей российского истеблишмента – Дмитрия Медведева, Вячеслава Володина, Марии Захаровой и др.

Потенциал и общую привлекательность политики мягкой силы России существенно снижает её авторитарная, на грани с тоталитарной политическая система. Как минимум это касается демократических стран Восточной Европы (государства Балтии, Украина, Молдова) и Грузии, которые традиционно восприимчивы к подобным вопросам. Однако тот же фактор действует, хотя и в меньшей степени, и на авторитарные государства – хотя бы на уровне гражданского общества или бизнеса. К примеру, инвестиции, капиталы и высококвалифицированная рабочая сила даже из авторитарных стран Центральной Азии с куда большей вероятностью направятся в развитые государства с демократической системой и твёрдыми гарантиями прав собственности, нежели в Россию, где господствуют произвол и принуждение.

Важнейшей аксиологической (т.е. ментальной, ценностной) проблемой России является очевидная недооценка её руководством «мягкосилового» фактора как такового.

Война с Грузией, аннексия Крыма, конфликт на востоке Украины и полномасштабная агрессия февраля-2022 наглядно демонстрируют, сколь часто Кремль игнорирует дипломатию, взамен прибегая к политике насилия и принуждения. Более того, за последние десятилетия подобный подход превратился из исключения в правило.

Российское руководство слабо отдаёт себе отчёт в тех титанических изменениях, которые произошли в мире на рубеже XX-XXI вв. Отсюда реваншизм и постоянные апелляции к историческому прошлому при нежелании и неспособности осознать, что в условиях глобализации единственным действенным инструментом достижения внешнеполитических целей является политика отнюдь не жёсткой, как прежде, а именно мягкой силы. Мягкой силы во всём многообразии её экономических, культурных и гуманитарных аспектов.

Многие задеваемые Россией инструменты справедливо рассматриваются постсоветскими странами не как возможность для диалога или способ интенсификации культурно-гуманитарных связей, а в качестве скрытого рычага давления на сопредельные страны, вмешательства в их внутренние дела или даже инструмента создания нестабильности.

Классический пример – продвижение русского языка на постсоветском пространстве. Любое крупное государство заинтересовано в популяризации собственного языка на международной арене, особенно если он является *lingua franca* (т.е. языком международной коммуникации) в том или ином регионе. Франция, например, активно продвигает свой национальный язык в рамках организации Франкофонии, Великобритания – в рамках Содружества наций, а Португалия – в рамках Содружества португалоязычных стран. То же самое пытается делать и Россия с помощью Россотрудничества и сети институтов Пушкина по всему миру. Однако постсоветские страны осознают, что продвижение русского языка является лишь одним из инструментов, а порой – не более чем ширмой для достижения политических целей Кремля. Тем более что имеется конкретный исторический прецедент – ситуация в Украине, где статус русского языка на протяжении многих лет использовался российской дипломатией для расшатывания политической системы и вмешательства во внутренние дела государства. А в 2022 г. языковой вопрос стал одним из пропагандистских нарративов, задействованных Москвой для оправдания полномасштабной агрессии против Украины.

Отчасти именно желанием выйти из гравитационного поля Москвы обусловлено решение целого ряда государств СНГ – Молдовы, Азербайджана, Узбекистана и Казахстана – о переходе с кириллицы на латиницу. Аналогичное решение ещё в 1990-х гг. было принято Туркменистаном, в настоящее время официально не входящим в состав СНГ.

Наконец, значительно ослабляет политику мягкой силы России и, как следствие, её позиции на постсоветском пространстве явная переоценка российским руководством субъективного, личностного фактора во взаимоотношениях с государствами-партнёрами. Речь о когнитивном искажении, свойственном в том числе Владимиру Путину и заключающемся в ошибочном отождествлении хороших личностных

отношений с лидерами сопредельных государств (например, с Александром Лукашенко, а ранее – с Нурсултаном Назарбаевым, Леонидом Кучмой или Виктором Януковичем) с гарантией проведения ими сугубо пророссийского курса, что на практике далеко не всегда верно⁴.

Прямым следствием такого субъективистского подхода становится фактический отказ России от взаимодействия со всеми общественными и гражданскими силами постсоветских государств, кроме правящей элиты. Ориентируясь на узкие кулуарные договоренности с представителями истеблишмента, Россия пренебрегает сотрудничеством с оппозицией и структурами гражданского общества, бизнес-ассоциациями, правозащитными организациями, академическими кругами, НПО и НКО постсоветских стран (правда, большая часть вышеуказанных акторов сама не горит желанием взаимодействовать с российским руководством).

Проблема в том, что взаимодействие исключительно с правящей верхушкой и представителями политической элиты самым драматическим образом сокращает социальную базу политики мягкой силы России, снижает её поддержку среди местного населения. Результат – очевидная нестабильность в отношениях с постсоветскими странами, их подверженность масштабным и резким колебаниям в зависимости от изменения внутри- и внешнеполитической конъюнктуры или конфигурации власти (симптоматичный пример – отношения России с Украиной до и после низложения Януковича в ходе Революции достоинства). Ориентация не на кулуарные договоренности и выстраивание личных отношений с местными властью предержащими, а на комплексное институциональное взаимодействие со всеми заинтересованными акторами могла бы существенно снизить амплитуду данных колебаний и тем самым минимизировать внешнеполитические риски России.

Если обобщить всё вышесказанное, можно прийти к однозначному выводу: вопиющая неэффективность политики мягкой силы России стала одной из главных причин снижения её влияния на постсоветском пространстве. К сожалению, внешняя политика России глубоко реакционна, архаична и антипрогрессивна, она полностью игнорирует гуманистический и правозащитный дискурс, столь значимый для международных отношений в эпоху глобализации. Проводя политику, направленную на кардинальный пересмотр и слом действующей международной системы и располагая при этом очевидным дефицитом материальных и репутационных ресурсов, рассчитывать на какой-либо успех не приходится.

4 Интересно, что та же самая тенденция отчетливо прослеживается и в отношениях России со странами дальнего зарубежья – отсюда, например, ничем не обоснованные надежды на смягчение российско-американских противоречий в случае гипотетического прихода к власти в США республиканцев.

Как восстановить репутацию и гуманизировать политику России на постсоветском пространстве

Война против Украины стала закономерным итогом внутренних неурядиц России: узурпации власти, демонтажа гражданского общества и уничтожения всех ограничений, стоявших на пути диктатуры – и, кроме того, результатом стремления российской власти поднять пошатнувшийся рейтинг за счет «маленькой победоносной войны» («возьмём Киев за три дня!»).

Однако война и гибель десятков тысяч людей – это лишь последнее звено в длинной череде внешнеполитических неудач и ошибок, допущенных страной и раз за разом ослаблявших её позиции на международной арене и, в частности, на постсоветском пространстве. Боевые действия против сопредельного, некогда братского государства – это апофеоз российской политики агрессии и ревизионизма, почва для подобного развития событий готовилась очень давно.

Можно ли было избежать этой катастрофы, и если да, то каким образом? Что касается внутренней политики, ответ прост: необходимо было всячески укреплять демократические институты, развивать горизонтальные связи, правовое сознание и гражданское общество, не допускать концентрации власти в руках правящей элиты, а тем более – одного человека.

Во внешнеполитическом измерении всё сложнее. Как видно из вышесказанного, ослабление влияния России на постсоветском пространстве было вызвано в первую очередь объективными факторами – общим экономическим неблагополучием и снижением роли России в мировой экономике. Существует ли сейчас возможность исправления ситуации и гуманизации внешней политики России, построения её на более рациональных, конструктивных и человеколюбивых основаниях? С нашей точки зрения – безусловно.

Прекращение войны с Украиной

Прекращение войны с Украиной и вывод российских войск с территории сопредельного суверенного государства – первый шаг, sine qua non восстановления позиций России на постсоветском пространстве. Только когда боевые действия будут прекращены, а Россия откажется от архаичной концепции «сфер влияния», станет возможным применение всего остального комплекса мер, призванного обновить, «реконструировать» имидж России на постсоветском пространстве (да и в целом на международной арене).

Нельзя забывать, что агрессия России против Украины – лишь один из элементов общей мозаики. По завершении конфликта необходимо гарантировать, чтобы его

повторение, а тем более эскалация насилия в каком-либо ином регионе постсоветского пространства стали невозможны. Для этого должен быть реализован широкий комплекс реформ, нацеленных на демократизацию политической системы России и плюрализацию процесса принятия внешнеполитических решений. Чем большее количество сторон принимают участие в выстраивании внешнеполитического курса, тем меньше вероятность непродуманных, субъективных или откровенно преступных шагов на международной арене. В выработке международной стратегии России должны принимать участие не только государственные и правительственные институты, но и структуры гражданского общества, представители научных и академических кругов, экспертное и бизнес-сообщество, неправительственные и некоммерческие организации.

Полный отказ от силового фактора в международных отношениях

Ещё один важный предохранительный механизм – полный отказ от силового фактора и принуждения во внешней политике России. Речь не о декларациях, а о внесении конкретных правовых норм в ключевые внешнеполитические доктрины России – например, в концепцию внешней политики, стратегию национальной безопасности или военную доктрину, а возможно – и в Конституцию. В настоящее время в УК РФ уже содержатся положения, запрещающие ведение или призывы к агрессивной войне (статьи 353 и 354 соответственно), но, во-первых, трактовка «агрессивной войны» прописана недостаточно чётко, а во-вторых, Уголовный кодекс России является сугубо внутривнутриполитическим документом и никак не регламентирует процесс принятия внешнеполитических решений. Поэтому соответствующие нормативно-правовые положения должны быть инкорпорированы во все концепции и стратегии, касающиеся выработки международного курса страны. Отправной точкой данного подхода должно стать безапелляционное признание примата международного права над национальным законодательством России (этот постулат уже прописан в Конституции РФ (ст. 15, ч. 4), однако, как показывают последние события, игнорируется на практике).

Инициатива по полному отказу от силового фактора во внешней политике России требует также масштабного общественно-информационного сопровождения – например, в формате образовательно-просветительских программ и мероприятий, нацеленных на формирование исторической памяти и донесение до граждан информации об абсолютной недопустимости и катастрофических последствиях агрессии на международной арене (в частности – об ужасах войны с Украиной). Подобные действия позволят не только внести вклад в развитие гражданского общества и демократизацию политической системы России, но и будут способствовать улучшению имиджа страны за рубежом.

Развитие интеграционных проектов на постсоветском пространстве

Важнейшим инструментом восстановления позиций России на постсоветском пространстве могла бы служить взаимовыгодная и добровольная экономическая интеграция, призванная интенсифицировать слабеющие хозяйственные, полити-

ческие и культурно-гуманитарные связи. Ключевым словом здесь является именно «добровольная»: решение об участии в совместном интеграционном проекте (например, в ЕАЭС – Евразийском экономическом союзе) государства-партнёры должны принимать самостоятельно, исходя из национальных, геополитических и геоэкономических интересов, а не под нажимом «старшего брата» (как это было, например, с Украиной при Викторе Януковиче, когда Россия всеми правдами и неправдами пыталась затащить сопредельное государство в Таможенный союз – предшественник ЕАЭС, что в итоге привело к эскалации напряженности и Революции достоинства 2013-2014 гг.).

Поддержка взаимовыгодной экономической интеграции на постсоветском пространстве также будет способствовать преодолению тех хозяйственных проблем, которые были описаны выше – и, в частности, позволит существенно ускорить экономический рост и нарастить взаимный товарооборот, тем самым замедлив, а в перспективе – и обратив вспять сокращение доли России в мировой экономике. А это создаст объективные торгово-экономические, финансовые и инвестиционные предпосылки для улучшения политических отношений РФ с постсоветскими странами, а также для ускорения интеграции и в иных сферах сотрудничества.

Примат политики мягкой силы

Отказ от силового фактора во внешней политике в сочетании со стимулированием многоформатных интеграционных процессов на постсоветском пространстве естественным образом приводят к идее примата концепции мягкой силы во внешнеполитическом курсе России. Именно мягкая сила, т.е. научное, образовательное и гуманитарное сотрудничество, экономическая, культурная и даже спортивная кооперация могли бы выступить инструментами восстановления имиджа и позиций России на постсоветском пространстве – тем более что исторические, социокультурные и личностные связи между жителями бывших республик остались достаточно прочными.

Успешная политика мягкой силы – важнейший шаг для популяризации имиджа и культуры России на постсоветском пространстве, к формированию образа цивилизованного и миролюбивого государства, в полной мере осознавшего, проанализировавшего и отрефлектировавшего ошибки прошлого, твёрдо вставшего на путь демократизации и отказа от внешнеполитической агрессии и провоцирования нестабильности в какой бы то ни было форме. Культурно-гуманитарное и экономическое сотрудничество с постсоветскими странами позволит России расширить и поддержать пророссийски ориентированные группы влияния среди местного населения. Причём эти группы уже не будут рассматриваться местным сообществом и национальными элитами постсоветских стран в качестве «тroyанского коня», скрытой угрозы их государственной независимости и суверенитету.

Заключение

К сожалению, сегодня все перечисленные предложения по изменению внешнеполитического курса РФ по отношению к постсоветским странам выглядят практически нереализуемыми, если не сказать – утопическими. Более того, даже после падения путинской диктатуры (а исходя из динамики исторического процесса, это произойдет достаточно скоро) России придётся потратить не один год на восстановление собственного экономического, политического и культурно-гуманитарного потенциала.

Однако всё не так плохо: у нас непременно будет возможность извлечь урок из прошлых ошибок, а следовательно – выстроить качественно новые отношения между Россией и постсоветскими странами. Новый формат взаимодействия должен строиться на фундаменте равноправного экономического и политического диалога, уважения независимости и суверенитета государств-партнеров, их объективной потребности в проведении многовекторного внешнеполитического курса.

В основе взаимоотношений России с сопредельными странами должны лежать не только прагматические интересы, но и универсальные, общечеловеческие ценности и идеалы – гуманизм, соблюдение прав человека, плюрализм, уважение к личности и примат индивидуальных свобод над абстрактными интересами государства. Именно этот подход взамен отжившего своё концепта жёсткой силы гарантирует не только сохранение, но и укрепление, преумножение исторических связей между Россией и постсоветскими странами.

Историческая наука располагает пространной летописью крушения авторитарных режимов и создания на их месте гораздо более демократических и цивилизованных государств. История нашей страны – наглядное тому подтверждение. Падение советской тоталитарной системы и возникновение демократической России в начале 1990-х гг. знаменовало собой уникальный шанс на возрождение и обновление. К сожалению, тот шанс упущен – однако это не означает, что в скором времени нам не представится новый. Чтобы на этот раз воспользоваться им сполна (в том числе – в сфере внешней политики, для восстановления и укрепления отношений с постсоветскими странами), надо быть во всеоружии. Вот почему размышлять о новой внешней политике, о светлом и счастливом будущем, каким бы утопическим оно ни казалось, можно и нужно уже сейчас.

Об авторе

Олег Петрович-Белкин – историк, публицист, писатель. Автор более 100 научных статей и нескольких учебников по истории международных отношений, а также философско-политического романа «Настоат». Преподаватель РУДН (до 2022 г.) и Свободного университета. Кандидат исторических наук.